

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(4): 1765-1777
 DOI: 10.13187/bg.2025.4.1765

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

System of Ransoming Russian Subjects from the Central Asia in the 1820s and the Orenburg Border Commission Criticism of It

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, b, *}

^a Cherkas Global University, Houston, USA

^b Volgograd State University, Russian Federation

Abstract

The article is dedicated to the Orenburg Border Commission criticism of the system of ransoming Russian captives from the Central Asia in 1826 and events that followed. It is based on unpublished documents from the Joint State Archive of Orenburg Region (Orenburg, Russian Federation). It shows that in 1826 the ransoming of Russian subjects ("captives" in the terminology of the era) from the Central Asia was regulated by the long inapplicable to local realities Senate decree of 25 October 1777. The Orenburg Border Commission was receiving 4 thousand rubles a year for ransoming captives, and could pay 150 rubles or more for a single one (but significantly higher amounts could've been allocated only with permission from higher authorities). The Commission offered to increase the "nominal" sum of ransom to 1 thousand rubles, which corresponded more with real marked prices of slaves (amounting about 500–1000 rubles). However, the Staff Commander of the Separate Orenburg Corps, having in general acknowledged the correctness of the Commission's conclusions, didn't allow such changes, referring to the fact that the Commission didn't have the money to ransom slaves at the new price en masse. Nevertheless, he allowed to buy one slave out of Bukhara for more than 500 rubles. When this ransom ended in success, the Border Commission suggested to buy out all the known Russian slaves in Bukhara in a similar way (money for that was sufficient), yet P.K. Essen forbade it demanding them adhere to the current law. Thus, in the 1820s the Orenburg authorities weren't ready to ransom slaves from the Central Asia at market prices.

Keywords: slave owning, Central Asia, Orenburg Border Commission, ransoming of slaves, everyday life history, history of everyday life, P.K. Essen.

1. Введение

Хотя истории Центральной Азии в XIX в. посвящён огромный пласт русскоязычных работ, ключевая для этого региона тема повседневного взаимодействия российских чиновников с представителями кочевого мира и центральноазиатских ханств остаётся сравнительно малоизученной. В важнейшем российском исследовании данной тематики последнего десятилетия, монографии «Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в.» Р.Ю. Почекаева, освещается преимущественно взаимодействие чиновников и правителей высокого ранга (собственно губернаторов и ханов) (Почекаев, 2017). В важнейшей англоязычной работе, «The Russian Conquest Of Central Asia: A Study In Imperial Expansion, 1814–1914» А. Моррисона акцент сделан на важнейших военно-политических событиях и их контексте (Morrison, 2021). Эти подходы вполне обоснованы и продуктивны, пока мы касаемся тем истории права (ключевой для Р.Ю. Почекаева) или истории завоевания Россией Центральной Азии (ключевой для А. Моррисона). Однако при изучении истории рабства в Центральной Азии они оказываются крайне недостаточными.

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatto@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

Дело в том, что выручка из рабства в Центральной Азии подданных Российской империи в первой половине XIX в. находилась в ведении Оренбургской пограничной комиссии, органа, подчинённого оренбургскому губернатору (как мы увидим далее, в основной части нашей статьи, в 1820-е гг. ей ежегодно выделялось для этой цели 4 тыс. руб.). Безусловно, наиболее масштабные и знаковые освобождения рабов обычно происходили с участием вышестоящих властей (например, в результате похода оренбургского губернатора В.А. Перовского против Хивы в 1839–1840 гг. было освобождено 416 человек (Иванин, 1874: 157)). Однако почти ежегодно происходили более частные освобождения отдельных рабов, никак не связанные с властями губернского уровня или со значимыми военно-политическими событиями. При этом фиксировались они достаточно неаккуратно и небрежно: Оренбургская пограничная комиссия не вела даже систематической статистики освобождённых. Тем не менее, в 1831 г. по распоряжению оренбургского губернатора П.П. Сухтелена была подготовлена сводная таблица захваченных и возвращённых кочевниками подданных Российской империи на Оренбургской линии с 1758 г. по 1831 г. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 30–300б.). Согласно этой таблице, например, с 1778 по 1808 г. каждый год освобождался минимум один захваченный кочевниками человек, а в пиковом 1785 г. освобождённых было целых 66 (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 30–300б.). При этом даже беглого взгляда на эту таблицу достаточно, чтобы заметить ряд странностей. Во-первых, до 1778 г. в этой таблице не фигурирует ни один случай спасения российского подданного из Центральной Азии (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 30). Во-вторых, более 30 человек в год освобождалось только в 1782–1783 гг., 1785–1796 гг., 1799 г. и 1823–1824 гг. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 30–300б.). Таким образом, система выручки рабов достаточно эффективно работала в XVIII в. – а затем число спасаемых с её помощью людей уже не достигало стабильно высоких значений.

Попытка разобраться в причинах этого, однако, осложняется тем, что даже зафиксированные Оренбургской пограничной комиссией случаи освобождения рабов не содержат какой-либо более общей аналитики. Иными словами, из подобных материалов мы можем узнать об обстоятельствах спасения отдельного раба, – однако нам не удавалось систематизировать подобные частные случаи таким образом, чтобы понять, почему система их освобождения в XIX в. стала менее эффективной. Однако в ходе архивного поиска нам удалось найти дело, в котором причины этого анализирует сама Оренбургская пограничная комиссия, а сопутствующие документы показывают её правоту. Анализ этих материалов будет посвящена данная статья.

2. Материалы и методы

Основой для нашей статьи станет дело из Объединённого государственного архива Оренбургской области (Оренбург, Российская Федерация), посвящённое предложенному в 1826 г. Оренбургской пограничной комиссией преобразованию системы выкупа подданных Российской империи из Центральной Азии (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343). В этом деле представлены как предложения Оренбургской пограничной комиссии, так и мотивированные отказы в их реализации от вышестоящих властей, а также информация о мерах, предпринятых в 1826–1827 гг. для выкупа рабов из Хивы и Бухары. Мы будем соотносить этот источник как с опубликованными научными статьями (посвящёнными, например, стоимости рабов в Хивинском ханстве в первой половине XIX в. (Ermachkov et al., 2021a: 1779–1788), так и с другими архивными материалами (в частности, о реальной стоимости некоторых предметов быта в оренбургском пограничье (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 256–257)).

Сравнительный анализ этих источников позволит нам не только понять причины неэффективности существовавшей на 1826 г. системы выкупа российских подданных из Центральной Азии, но и то, почему вышестоящие власти не были заинтересованы в её реформе. При этом в некоторых местах мы будем обращать внимание не только на содержание текстов, но и на их риторику, формулировки оренбургских властей, которые позволяют лучше понять логику их решений. В то же время нельзя не признать, что имеющаяся у нас источниковая база достаточно фрагментарна и содержит информацию только об отдельных аспектах системы выкупа российских подданных из Центральной Азии. Поэтому мы будем активно применять микроисторические методы, позволяющие восстанавливать целостное социальное явление по его дифференцированным фрагментам (см. Ле Руа Ладюри, 2001), а социальную конфигурацию общества – по индивидуальным стратегиям отдельных персоналий (Гинзбург, 2004: 312).

3. Обсуждение

К настоящему времени исследования, посвящённые системе выкупа российских подданных из Центральной Азии, отсутствуют. Существующие статьи, специально посвящённые рабству в Центральной Азии и отношению к нему российского государства/общества, затрагивают принципиально иные аспекты этой проблемы, например её значение для внешней политики Российской империи (Кочнев, 2017: 100–104) или русской литературы (Созина, 2016: 6–15). Нельзя не отметить ряд работ И.А. Ермачкова и его соавторов, посвящённых выходу русских рабов из Хивинского ханства в конце 1830-х гг., однако в них речь идёт не об обычных для повседневности того

времени, а уникальных выходах, связанных с подготовкой Хивинского похода 1839–1840 гг. (Ermachkov et al., 2021a: 1779-1788; Ermachkov et al., 2021b: 1171-1180; Ermachkov, 2021: 26-34).

4. Результаты

4.1. Система поощрений оренбургскими властями участников выкупа рабов из Центральной Азии на 1826 г.

В 1826 г. Оренбургская пограничная комиссия подняла вопрос о том, что существующая система вознаграждения за спасение рабов из Центральной Азии неэффективна. Точно ответить на вопрос о том, почему это произошло, мы едва ли сможем. Возможно, дело было в том, что в первой половине 1820-х гг. в оренбургском пограничье бушевало восстание Ж. Тленшиулы (Zhetpisbay et al., 2020: 105-114). Оно сопровождалось резким увеличением числа захваченных в плен подданных Российской империи: по позднейшим и, вероятно, неполным данным Оренбургской пограничной комиссии с подведомственной ей территории в 1820 г. захвачено было 10 человек, в 1821 г. – 42, в 1822 г. – 78, в 1823 г. – 113, в 1824 г. – 76, в 1825 г. – 19, а в 1826 г. – 38 (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 300б.). Понятно, что рост числа людей, которых необходимо было выручить из Центральной Азии, обострил и вопрос о формах организации их выручки. Однако не менее вероятным нам представляется и то, что подобная активность Пограничной комиссии была связана со сравнительно недавней сменой её руководства: 16 января 1825 г. её председателем был назначен Г.Ф. Генс, в дальнейшем отлично зарекомендовавший себя на этом посту и возглавлявший комиссию до 1844 г. (Попов, 1907: 180-181).

В любом случае, 6 октября 1826 г. Оренбургская пограничная комиссия обратилась к начальнику штаба Отдельного оренбургского корпуса Г.П. Веселитскому с достаточно подробным анализом финансовой составляющей выкупа российских подданных из рабства в Центральной Азии (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 1–50б.). Из этого анализа следовало, что существующая система выкупа крайне проста. Ежегодно Оренбургская пограничная комиссия получала 4 тыс. руб. на выкуп пленников, причем указ Сената от 25 октября 1777 г. предписывал тратить на выкуп одного человека «по 150 руб. и более, смотря по обстоятельствам, с тем, чтобы деньги сии возвращаемы были с однородцев Киргизцам, виновным в пленении выкупаемых людей» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 1–10б.). Кстати, как мы писали выше, в 1831 г. Оренбургская пограничная комиссия датировала первые случаи выручки российских подданных из Центральной Азии 1778 г. И теперь мы понимаем, почему – за год до этого, в 1777 г., было назначено вознаграждение за подобную выручку.

Чтобы понять, насколько велики были указанные суммы, обратимся к архивным материалам о имуществе, похищенном в 1823 г. кочевниками при захвате в плен есаула И.В. Подурова. Судя по реестру похищенных вещей, И.В. Подуров путешествовал с несколькими сменами одежды, включая дорогие элементы парадной формы, а также с необходимыми ему в путешествии вещами, от одеяла до курительной трубки (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 256–257). Однако какие-либо более ценные предметы (например, товары для торговли или собственный экипаж) в этом реестре отсутствуют. Тем не менее, общая стоимость похищенных вещей простиралась до 1 604 руб. 40 коп., а самыми дорогими предметами были куртки с шароварами английского и голландского сукна (160 и 125 руб. соответственно), серебряный подсумок (150 руб.), парадный кивер (140 руб.) и серебряные французские часы (120 руб.) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 256–257). Таким образом, сумма в 4 тыс. руб., ежегодно выделяемая Оренбургской пограничной комиссии на выкуп рабов из Центральной Азии, всего в 2,5 раза превышала стоимость имущества, захваченного кочевниками во время набега у одного путешествующего младшего казачьего офицера. У захваченного в том же 1823 г. другого российского офицера, прапорщика С.Я. Медведева, вообще было похищено имущества на 2 023 руб. 50 коп. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 3150б.). А сумма в 150 руб., фактически регламентированная для Оренбургской пограничной комиссии в качестве базовой для выкупа одного невольника, соответствовала стоимости куртки с шароварами из хорошего сукна или парадного офицерского кивера.

Сколько же реально стоил выкуп раба из Центральной Азии? Имеющиеся у нас материалы не позволяют однозначно ответить на этот вопрос. Оренбургская пограничная комиссия в своём обращении к Г.П. Веселитскому приводила примеры двух рабов, находившихся в рабстве в Хивинском ханстве: первый из них выкупил себя у хозяина за 115 «Хивинских червонцев» (1 610 руб. по расчётам комиссии, то есть хивинский червонец принимался равным 14 рублям) и вернулся в Россию, а второго хозяин был готов продать за 100 хивинских червонцев (1 400 руб. по расчётам комиссии) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 2–20б.). Проблема, однако, заключается в том, что из других материалов оренбургских властей нам известно: именно из Хивинского ханства выручать рабов было принципиально сложно.

Например, бывший оренбургским губернатором как раз в 1820-е гг. П.К. Эссен сообщал в недатированном письме князю Н.Б. Юсупову, требовавшему выручить его крестьян из Хивы, что «Хивинское Правительство под смертной казнью не позволяет своим подданным возвращать наших пленников» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2017. Л. 80б.–9). Губернатор признавал, что один случай выручки русских рабов из Хивы произошёл относительно недавно, однако подчёркивал, что в этом случае «два человека Г-жи Крылатовой» были вывезены «очень тайно правительства (Хивинского –

Прим. А.П.)» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2017. Л. 9). В документах Оренбургской пограничной комиссии есть также информация о том, что в 1820–1821 гг. Хиву посещали эмиссары хана Младшего Жуза Ш. Айшуакова с заданием выкупить русских рабов, но «Хивинские Ходжи выкупить оных Ордынцам не позволили» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2017. Л. 12). В случае же с Бухарой информация о тотальном запрете на выкуп невольников для возвращения их в Россию в архивных материалах встречается редко и в документах сомнительной достоверности (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1644. Л. 220б.). В случае же кочевников («киргизцев»/«киргизов» в дискурсе российских чиновников) информации о каких-либо общепринятых запретах на продажу пленников нам вообще не встречалось.

Таким образом, судя по всему, Оренбургская пограничная комиссия, указывая в своём обращении к Г.П. Веселитскому актуальную для 1820-х гг. стоимость выкупа рабов в Россию из Центральной Азии, сознательно или неосознанно искажала факты. Комиссией приводилась информация только о выкупе рабов из Хивы – где он был запрещён, и, соответственно, сопрягался с риском для продающего. Следовательно, мы можем быть уверены, что именно из Хивы в Россию рабы выкупались дороже своей нормальной цены.

Действительно, если мы обратимся к статье «К вопросу о стоимости рабов на территории Хивинского ханства (первая половина XIX века)», подготовленной группой российских авторов на основе показаний вышедших из Хивинского ханства рабов, то увидим, что в ней фигурируют совсем другие суммы стоимости этих рабов. В статье разобраны случаи 80 рабов, захваченных в период 1812–1839 гг. кочевниками и проданных хивинцам (Ermachkov et al., 2021a: 1780). Разброс цен при их продаже был крайне значительным: от 130 «золотых хивинских монет», то есть хивинских червонцев, до 15, 13 и даже 12 (Ermachkov et al., 2021a: 1781-1782). Тем не менее, именно в 1820-е гг. большая часть рабов продавалась в ценовом диапазоне от 40 до 60 монет/червонцев. Проиллюстрируем это таблицей, составленной на основе указанной статьи (Таблица 1).

Таблица 1. Стоимость рабов в Центральной Азии в 1820-е гг.

Имя и фамилия раба	Год захвата	Стоимость продажи и перепродаж ¹
Савелий Чаплыгин	1824 г.	40
Иван Лукьянов	1824 г.	40
Александр Иванов	1825 г.	60
Егор Петров	1826 г.	60
Иван Лавров	1826 г.	60, 70
Ефим Рудыкин	1829 г.	40, 60
Василий Беседин	1829 г.	77,5

Источник: Ermachkov et al., 2021

В статье «К вопросу о стоимости рабов на территории Хивинского ханства (первая половина XIX века)» делается вывод, что в кочевых аулах рабы стоили дешевле, чем на невольничьих рынках (Ermachkov et al., 2021a: 1785). Как мы видим, этот общий вывод верен и в частном случае 1820-х гг.: для рабов в аулах наиболее распространённая цена составляла 40 золотых хивинских монет, а для рабов на хивинских невольничьих рынках – 60–70. Суммы более чем в 100 хивинских червонцев, которые считала репрезентативными для выкупа рабов Оренбургская пограничная комиссия, не фигурируют в это десятилетие вообще. В то же время, как мы помним, Пограничная комиссия считала хивинский червонец равным 14 рублям. Это означает, что 40 червонцев (средняя цена раба в кочевых аулах) соответствовали 560 руб., а 60–70 червонцев (средняя стоимость раба в Хиве) – 840–980 руб. Соответственно, хотя Оренбургская пограничная комиссия и завышала стоимость рабов в Центральной Азии, трудно не согласиться с ней в главном – к 1820-м гг. сумма в 150 руб., зафиксированная ещё в 1777 г. в качестве базовой для выкупа одного раба, безнадежно не соответствовала реальности.

И мы получаем объяснение ещё одной странности, отмеченной во введении к нашей статье. Регулярные освобождения в 1780–1790-е гг. по 30 и более российских подданных в год из Центральной Азии, видимо, объяснялись тем, что на тот момент награда за подобное освобождение в размере порядка 150 руб. соответствовала действительности и могла служить мотивацией для кочевников. Однако с «изменением ценности денег» (формулировка Оренбургской пограничной комиссии (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 10б.)) спасение российских подданных для кочевников утратило финансовую привлекательность и, более того, потенциально вело к убыткам, поскольку положенная за это награда далеко не компенсировала даже стоимости выкупа раба по рыночной цене.

В итоге Оренбургская пограничная комиссия приходила ко вполне логичному выводу о том, что, с учётом обычной суммы, положенной за освобождение раба, а также того, что спасением рабов

¹ Зачастую рабы продавались и перепродавались неоднократно, причём стоимость их продажи известна не для всех случаев. В таблице обычным шрифтом помечены суммы продажи рабов в аулах кочевников приехавшим из Хивы работоторговцам, а жирным – продажи на хивинских невольничьих рынках.

де-факто должны были заниматься «Магометане», «которым одним доступны места сии (содержания рабов – Прим. А.П.)», складывалась специфическая ситуация: освобождая раба-христианина, мусульманин должен был совершить неоднозначное с точки зрения его окружения действие, подвергнуться за него потенциальному риску и ещё совершить всё это себе в убыток (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 10б.–2). Между тем обещать более адекватные суммы вознаграждения за освобождение рабов Оренбургская пограничная комиссия без разрешения вышестоящих властей не могла, поскольку речь шла о слишком значительных суммах (то есть превышающих сумму в 150 руб., зафиксированную в качестве базовой за спасение одного раба) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 3).

4.2. *Предложения Оренбургской пограничной комиссии по реформированию системы поощрений участников выкупа рабов из Центральной Азии, сделанные в 1826 г.*

Оренбургская пограничная комиссия утверждала, что знает конкретных «Караванных вожakov и Азиатских Купцов», уже помогавших ей в контактах с рабами (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 3). Чтобы мотивировать их активно выкупать русских пленников из рабства, комиссия предлагала целый ряд мер. Во-первых, предлагалось сообщить людям, уже помогавшим комиссии, что российские власти впредь будут компенсировать все расходы по выкупу пленников и доставке их в Россию и, сверх того, платить 200 руб. награды за каждого христианина и 300 руб. – если доставлен в Россию был конкретный человек по запросу Пограничной комиссии (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 3об.). Во-вторых, поскольку проверять сведения о том, каковы были реальные издержки на выкуп конкретного пленника, обычно оказывалось затруднительно, Оренбургская пограничная комиссия предлагала не входить «ни в какие расчеты», если спасший пленника просил в общей сложности не более 1 тыс. руб., но сразу выдавать ему эту сумму (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 3об.–4). Таким образом, фактически предлагалось повысить базовую сумму за спасение одного российского подданного из Центральной Азии почти в 7 раз – со 150 руб. до 1 тыс. руб.

В этом контексте важно, что Оренбургская пограничная комиссия указывала: её текущие средства, предназначенные для выплат компенсаций за спасение пленников, не превышали 21 289 руб. 83,25 коп. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 3об.). Напомним, что в год ей выделялось 4 тыс. руб. на выкуп рабов – и, следовательно, неизрасходованными оставались средства более чем за 5 лет. Итак, при существовавших расценках оплаты за спасение российских подданных из Центральной Азии, значительная часть выделяемых на эти цели средств оставалась просто неиспользованной.

С другой стороны, хотя Оренбургская пограничная комиссия прямо об этом не писала, нетрудно подсчитать, что при введении нормы в размере 1 тыс. руб. за выкуп раба, всех средств, выделяемых этой комиссии на освобождение рабов в течение года, хватило бы на выкуп всего 4 человек, и даже имеющихся остатков с прошлых лет хватило бы на спасение не более чем 21 пленника. Очевидно, пограничная комиссия вполне понимала, что в связи с этим у вышестоящего начальства могут возникнуть вопросы (далее мы увидим, что это и произошло). Однако она предлагала выйти из этой ситуации достаточно своеобразным образом.

В разбираемом нами документе выражалась надежда, что после повышения вознаграждения за выкуп рабов «будут вывозимы пленные в немалом числе» – и будущая нехватка средств комиссии увязывалась именно с этим, а не с тем, что годовые ассигнования на выкуп рабов в оренбургском приграничье очевидно не соответствовали реалиям (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 4). В рамках подобной логики Оренбургская пограничная комиссия даже не поднимала вопроса об увеличении ассигнований – зато искала дополнительные источники для получения финансирования на выкуп пленных. Одним из этих источников, по мнению комиссии, могли стать родственники рабов, которые вносили бы «по мере возможности деньги для скорейшего освобождения ближних своих» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 4–4об.). Другим источником могли бы стать выплаты с родственников кочевников, захватывавших рабов – причём, оправдывая введение подобных поборов, комиссия ссылаясь как на указ Сената от 25 октября 1777 г. (напомним, включавший формулировку о возмещении потраченных на выкуп рабов средств «с однородцев Киргизцам, виновным в пленении выкупаемых людей»), так и на то, что у «киргизцев» якобы «целый род или отделение отвечает за преступление однородца» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 4). Таким образом, фактически Оренбургская пограничная комиссия планировала как ввести сбор средств на выкуп рабов с их родственников, так и активнее принуждать кочевников к выплате разного рода компенсаций за похищенных рабов. При этом нам известны случаи, когда и до 1826 г. российские власти требовали разного рода «компенсации» с кочевников, не слишком вникая в вопросы их личной вины за совершенное преступление. Так, в 1823 г. некий Тайлан Туляганов был задержан по подозрению в убийстве урядника Плешкова (Peretyatko, 2023: 1772). Расследование его личной вины в этом убийстве не подтвердило, а родственники Т. Туляганова выкупили и передали российским властям раба из российских подданных (Peretyatko, 2023: 1773). Однако лично оренбургский губернатор П.К. Эссен потребовал, чтобы родственники Т. Туляганова выплатили ещё 1 тыс. руб. родственникам погибшего урядника (Peretyatko, 2023: 1773). Когда отец упомянутого нами выше прапорщика С.Я. Медведева требовал компенсацию за похищенное имущество сына, компенсации почему-то потребовали исключительно с представителей кочевников табынского рода – хотя даже российские

пограничные власти писали в Оренбург, что главную роль в похищении играли кочевники кердаринского рода (Peretyatko, 2023: 1773). Едва ли стоит сомневаться, что дополнительное ужесточение мер по отношению к кочевникам обозначало бы ещё меньшую разборчивость при сборе с них «компенсаций» за убытки российских подданных и российских властей.

В контексте отношения Оренбургской пограничной комиссии к мусульманам (к которым относились и кочевники) очень показательно, что в разбираемом нами документе предлагалось также зафиксировать: за освобождение подданных Российской империи мусульманского вероисповедания никакие поощрительные выплаты и компенсации расходов на выкуп властями выплачиваться не будут (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 4–40б.). Для оправдания этого недвусмысленно утверждалось, будто бы «плененные Киргизами Магометане в Хиве и Бухарии пользуются как единоверцы тамошним жителям свободой» – что противоречит собственным материалам Оренбургской пограничной комиссии. Мы не будем здесь останавливаться на этом сюжете подробно, поскольку посвятили целую статью ситуации с рабами из персидского мира, почти исключительно мусульманами, которые достаточно регулярно выходили на российскую границу из Центральной Азии, а затем Оренбургская пограничная комиссия возвращала их домой (Peretyatko, 2024: 1586–1597). Одновременно с этим пограничная комиссия утверждала, что в случае с мусульманами сложно отличить беглых и рабов, и вполне возможен сговор части кочевников с российскими мусульманами, которые бы притворялись захваченными рабами для получения с властей компенсаций за их освобождение (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 40б.–5). В итоге комиссия предлагала возложить финансирование выкупа рабов-мусульман исключительно на их родственников, без каких-либо доказательств утверждая, что «на то издержки бывают не весьма значительны» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 5).

Таким образом, осознав проблему несоответствия реальной стоимости рабов в Центральной Азии суммам, выделяемым российскими властями на их выкуп, Оренбургская пограничная комиссия предложила реализовать наиболее очевидный способ решения этой проблемы. Она предложила в разы увеличить сумму вознаграждения за спасение одного раба – однако фактически оказалось, что сделать это невозможно без получения дополнительных источников финансирования. Любопытно, что Оренбургская пограничная комиссия не предлагала даже минимально увеличить общую сумму государственных ассигнований на выкуп пленников, вероятно, понимая, что этот вариант вышестоящими властями поддержан не будет, зато рекомендовала переложить часть финансирования выкупов рабов на их родственников и на тех кочевников, которые показались бы пограничным властям имеющими хоть какое-то отношение к работорговцам.

4.3. Ответ Г.П. Веселитского

Реакция начальника штаба Отдельного оренбургского корпуса Г.П. Веселитского на предложения Оренбургской пограничной комиссии представляется нам крайне показательной и важной для оценки борьбы Российской империи с рабовладением в Центральной Азии в целом. В своём ответе, данном 18 октября 1826 г., он в принципе соглашался с тем, что предложения комиссии на этот счёт разумны: дословно в источнике генерал называл их «мерой благодетельной и сообразной с видами Правительства» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 6). Однако он обращал внимание на очевидное несоответствие финансовых средств Оренбургской пограничной комиссии, предназначенных для выкупа пленников, новой предлагаемой сумме выкупа за одного пленника. По расчётам Г.П. Веселитского (аналогичным тем, которые мы производили выше), реально Оренбургская пограничная комиссия располагала средствами на выкуп всего 21 пленника по новым ценам (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 6).

Соответственно, перед Г.П. Веселитским стоял выбор: или признать, что Российская империя выделяет на выкуп рабов из Центральной Азии совершенно недостаточные суммы, или отвергнуть предложения Оренбургской пограничной комиссии. Оговоримся, что мы не считаем первый вариант однозначно правильным. Исходя из опыта выкупа российских подданных во время Кавказской войны, который изучен значительно лучше, чем опыт выкупа пленников из Центральной Азии, систематический выкуп захватываемых людей только способствовал росту числа захватов: как отмечает А.А. Черкасов, в 1830-е гг. «для русской администрации стало очевидным, что выкуп пленников только поощряет рабозахват и работорговлю в Черкесии», и с 1835 г. случаи выкупа захваченных черкесами рабов носили уже не системный, а частный характер (Cherkasov, 2020: 1428). Однако Г.П. Веселитский, как мы уже показали выше, считал выкуп российских подданных из рабства мерой, безусловно, правильной и вопроса о том, что он может провоцировать работорговцев на новые захваты, не поднимал. Его не устраивало только то, что рыночная цена рабов в Центральной Азии возросла, и средства, выделяемые российским правительством на их выкуп, стали очевидно недостаточными.

В результате риторике Г.П. Веселитского можно признать в определённом смысле саморазоблачительной для российской борьбы с работорговлей в Центральной Азии. Вместо того чтобы принять предложение Оренбургской пограничной комиссии или прямо отвергнуть его, обосновав каким-либо образом опасность повышения суммы за выкуп рабов российскими властями, начальник штаба Отдельного оренбургского корпуса призвал Оренбургскую пограничную комиссию найти такой подход к представителям кочевого мира, чтобы они спасали рабов – российских

подданных – за существующие суммы вознаграждения. Мы позволим себе процитировать полностью соответствующее место архивного документа: «Предлагаю Пограничной Комиссии, дабы выручить более пленников, при наклонении к сему Караванных вожаков и Азиятцев стараться внушить им, что они употребляли бы при сем случае более усердия на пользу общую, нежели из корыстолюбия, противного человеколюбию и сострадательности о несчастных, и что правительство не оставит делать им за то соразмерное вознаграждение. Таким образом, соглашая их получать такую плату, которая бы была не противна Указу Правительствующего Сената 1777 года Октября 24 дня, объявлять, между тем, родственникам пленников, дабы они способствовали к освобождению их, сколько к тому состояние может позволить» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 6–60б.).

Обратим внимание, что у этой риторики есть любопытные аналоги. А.В. Кочнев в интереснейшей статье «Российские подданные в Хивинском плену в конце XVIII – начале XIX в.: пути решения проблемы и последствия» указывает, что в 1799 г. к астраханскому губернатору И.С. Захарову явились «трухменец Мамет Нияз Наубетбакиев и хивинец Паланкуль Бабаев», выкупившие в Хиве из рабства 12 российских подданных, включая одну женщину, и желающие получить за это компенсацию расходов в размере 3 220 руб. (Кочнев, 2017: 101). Однако И.С. Захаров, вместо того чтобы заплатить указанную сумму, обратился к вышестоящему начальству, причём в его обращении, помимо ссылок на то, что выкуп рабов может способствовать дальнейшим рабозахватам, присутствуют и следующие пассажи: «Они есть люди старые, от тамошнего порабощения крайне изнуренные и уже учинившиеся неспособными к понесению дальнейших трудов, возлагаемых на них порабощателями. Следовательно, и выкуплены они не по преданности к России [как говорят икупители], но по негодности их к рабству и ради получения за них окупа»; «Ясно я вижу ухищрения трухменца и хивинца и никак не могу поверить, чтобы заплачены были такие деньги»; «Следует ли отдать требуемую сумму?» (Кочнев, 2017: 101). А.В. Кочнев на этом основании делает следующий вывод: «Правительство особо не видело смысла в спасении людей, если они не могли послужить службу отечеству в дальнейшем» (Кочнев, 2017: 101).

С нашей точки зрения, ситуация была несколько более сложной. Как мы видели выше, по крайней мере, в 1826 г. Оренбургская пограничная комиссия и Г.П. Веселитский, обсуждая проблемы выкупа рабов из Центральной Азии, вообще не поднимали вопроса о каком-либо отборе этих рабов по принципу возраста/трудоспособности. Единственной лишаемой права на выкуп за государственные средства категорией рабов объявлялись мусульмане. Но в то же время Оренбургская пограничная комиссия и Г.П. Веселитский вполне сходились с И.С. Захаровым в явном нежелании платить за выкуп рабов значительные суммы. Таким образом, ключевым вопросом оказывалась даже не некая «полезность» выкупаемых рабов, но то, что российские чиновники желали, чтобы их спасение было необременительным для государственного бюджета.

И, наконец, подобная риторика в служебных документах вступала в очевидное противоречие с публично декларируемой позицией оренбургских властей о важности спасения русских пленников из неволи. Так, в 1837 г., когда впервые за долгое время усилиями оренбургских властей была освобождена группа рабов из Хивы, местные чиновники даже подготовили статью о значимости этого события для публикации в центральной прессе (Ermachkov, 2021: 30–31). В этой статье были такие, например, слова: «Глядя на эту пеструю, праздничную толпу, с лицами выразившими в [нашей] каждой черте, что здесь [длится] деется что-нибудь необыкновенное, не слыханное и невиданное, глядя на крест и налож и горящие перед ним, среди обширной, необъятной степи, свечи – а потом еще на земляков наших, в азиатской одежде и на заплаканных перед крестом, нельзя было не пожалеть, что не было здесь художника который передал бы потомству этих рыдающих перед Евангелием выходцев с того света, эту несметную толпу с лицами, на [какое] которые возвращается участие, радость, сострадание, благодарность (в квадратных скобках приведены слова из источника, которые, как нам представляется, были расшифрованы неверно, и мы заменили их на более соответствующие общему смыслу фразы – Прим. А.П.)» (Ermachkov, 2021: 31).

Как мы убедились, всего за десятилетие до этих событий оренбургские власти сочли, что выкуп в 1 тыс. руб. за каждого «выходца с того света» окажется для них чересчур обременителен.

4.4. Случай выкупа раба из Бухары: спасение казака Тимофея Шабанова (1826–1827 гг.)

Судя по всему, Оренбургская пограничная комиссия ожидала другого ответа на свои предложения. Во всяком случае, ещё до фактического отказа Г.П. Веселитского, 15 октября 1826 г., она обратилась к нему же с просьбой разрешить выкуп из Бухары конкретного раба (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 7–70б.).

Ситуация действительно располагала к этому. Некий Рахмангул Аллагулов, сам бухарец, доставил из Бухары письмо (что интересно, написанное на татарском) от казака Тимофея Шабанова к его отцу, Леонтию Шабанову, из которого следовало, что Т. Шабанов находится в рабстве «в местечке Торместа у бухарца Рафигбая Календарбаева», но хозяин готов отпустить его за 40 бухарских червонцев (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 70б.). Более того, Р. Аллагулов объяснил, что не решился бы передавать письмо без разрешения хозяина раба, но Р. Календарбаев не возражал против переписки своего пленника с отцом и готов был отпустить его за указанную сумму (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 70б.–8). Наконец, Р. Аллагулов предлагал сам взять указанные деньги или

сопроводить другое лицо, везущее их, с тем расчётом, чтобы доставить Т. Шабанова в пределы Российской империи (конкретно в город Троицк) уже будущей весной (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 8). При этом Оренбургская пограничная комиссия располагала точными сведениями, что Т. Шабанов действительно был похищен в сентябре 1825 г., а попытки спасти его путём рассылки разного рода предписаний лояльным России кочевым правителям успехом не увенчались (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 7).

Таким образом, у Оренбургской пограничной комиссии был шанс без особых организационных сложностей спасти русского раба из Бухары. Вопрос был только в его цене. Интересно, что Оренбургская пограничная комиссия не сообщала, сколько будет стоить выкуп Т. Шабанова в рублях (возможно, не желая показывать Г.П. Веселитскому значительность этой суммы). Она сообщала только, что 40 бухарских червонцев соответствуют 54 голландским червонцам (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 8). Из документов Оренбургской пограничной комиссии 1827 г. известно, что курс голландских червонцев в это время составлял 11 руб. 75 коп. за червонец (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 18). Нетрудно подсчитать, что хозяин просил за Т. Шабанова по этому курсу 634 руб. 50 коп. Следовательно, речь шла о сумме почти вдвое меньшей, чем Оренбургская пограничная комиссия предлагала платить ранее за освобождение одного раба, и заметно меньшей, чем рыночная цена раба на хивинских невольничьих рынках, – и всё равно в разы превосходящей те 150 руб., которые определялись в качестве базовой выплаты за освобождение пленника из Центральной Азии в соответствии с указом Сената от 25 октября 1777 г.

Поэтому Оренбургская пограничная комиссия не решилась самостоятельно одобрить сделку, обратившись за разрешением к Г.П. Веселитскому (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 8об.). При этом заранее предполагалось, что деньги на выкуп Т. Шабанова будут переданы Р. Аллагулову только под расписку и только если он найдёт готовых поручиться за него жителей Троицка (то есть если бы Т. Шабанов не был выкуплен, а Р. Аллагулов не вернул выданных на его выкуп денег, то потери казны были бы компенсированы за счёт поручителей) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 8–8об.). Наконец, отцу Т. Шабанова, Л. Шабанову, тоже было предложено взять на себя часть расходов по выкупу сына (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 8об.).

И снова риторика Г.П. Веселитского оказывается крайне показательна. В своём ответе Пограничной комиссии от 18 октября 1826 г. он, с одной стороны, разрешил выкупить Т. Шабанова на описанных выше условиях; с другой стороны, он совершенно недвусмысленно подчёркивал, что «сие не должно быть в пример другим» и разрешение даётся «единственно для того, чтобы сделать первый опыт в успехе выручки из неволи пленников, и чтобы узнать, произойдет ли от сего желаемый успех в таковом деле» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 9–9об.). Таким образом, не возражая против *разового* выкупа одного раба по цене, близкой к рыночной, начальник штаба Отдельного оренбургского корпуса ясно давал понять, что *систематическая* организация подобных выкупов разрешена им не будет. Интересно и позиционирование Г.П. Веселитским предстоящего выкупа Т. Шабанова в качестве «опыта»: вероятно, начальник штаба Отдельного оренбургского корпуса планировал на основании этого случая понять, насколько вообще оправданы рассуждения Оренбургской пограничной комиссии, в соответствии с которыми важнейшей причиной неудач в деле выкупа русских пленников из Центральной Азии являлась крайне скромная сумма вознаграждения, положенная за спасение этих пленников.

Оренбургская пограничная комиссия в этой ситуации действовала предельно оперативно и, по сути, показала свою полную правоту. Уже 19 октября 1826 г. деньги на выкуп Т. Шабанова были отправлены в Троицк (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 15–15об.). 17 ноября троцкий комендант доложил, что предпочёл передать их не Р. Аллагулову, но местному «Татарину Абдулвагану Абубакарову» под расписку (то есть за использование этих денег по назначению отвечал именно А. Абубакаров), а затем А. Абубакаров передал их едущему в Бухару с караваном российскому подданному, мещанину А. Абзямилову (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 15об.–16). Кроме того, комендант докладывал, что отец Т. Шабанова смог внести на выкуп сына только 10 руб., из которых 5 руб. 40 коп. были использованы в качестве уплаты в местную таможенную за провоз через границу червонцев (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 16). Таким образом, несогласованность действий оренбургских властей и непродуманность системы выкупа пленников из Центральной Азии доходила до того, что средства, выделяемые на эту цель, облагались таможенными сборами. Кстати, из дальнейшей переписки видно, что Л. Шабанов пожертвовал на выкуп сына ещё 30 руб., помимо этих 10 (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 17).

Вскоре попытка Оренбургской пограничной комиссии выкупить Т. Шабанова увенчалась успехом. Правда, он вышел в пределы Российской империи не весной, а летом 1827 г. (троцкий комендант сообщил об этом 20 июля), а А. Абзямилову пришлось доплатить за него 7 бухарских червонцев, помимо суммы, выделенной властями (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 15об.–17). По расчётам Пограничной комиссии, эта сумма соответствовала 110 руб. 75 коп. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 18), то есть в итоге выкуп Т. Шабанова обошёлся в 745 руб. 25 коп. Однако раба-подданного Российской империи удалось выручить из Бухары достаточно оперативно и без риска для

него или для третьих лиц. А. Абзямилов просил только компенсировать ему расходы и выдать «хотя [бы] письменный Аттестат» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 160б.).

Поэтому нет ничего удивительного в том, что Оренбургская пограничная комиссия расценила опыт выкупа Т. Шабанова как обнадеживающий. 10 сентября 1827 г. она обратилась к оренбургскому губернатору П.К. Эссену с объёмным представлением (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 13). В нём предлагалось, в частности, выдать А. Абзямилову в поощрение, помимо аттестата, золотой перстень ценой в 100 руб., купленный как раз из средств, предназначенных на выкуп пленных (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 180б.). Помимо этого, Пограничная комиссия упоминала, что ей известны имена 9 русских рабов (8 мужчин и 1 женщины), находящихся в Бухаре (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 170б.). И теперь она предлагала попытаться выкупить их «по примеру освобождения означенного пленника Шабанова», для чего требовалось разрешение губернатора, а также его указание о том, в пределах какой суммы может быть назначен выкуп за раба (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 180б.). Что же касается денег, уже затраченных на выкуп Т. Шабанова, то их предлагалось вернуть, взыскав с кочевников, хотя сам бывший раб не смог назвать имени ни одного из своих пленителей: он только указал, что был захвачен «Киргизами, 6-ю человеками Кипчатского рода» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 160б.). Тем не менее Оренбургская пограничная комиссия считала возможным требовать от «Правителя Восточной части Султана Джумы Худаймендиева» найти похитителей Т. Шабанова до 1 ноября, после чего не только собрать с них сумму, потраченную на выкуп казака, но и представить этих людей в Оренбург для суда (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 19–20).

Однако П.К. Эссена спасение из Бухары одного русского пленника примерно за 750 руб. явно не впечатлило. Хотя Оренбургская пограничная комиссия в своём представлении к губернатору и упоминала о решении Г.П. Веселитского произвести выкуп Т. Шабанова в качестве «первого опыта к выручке из неволи пленников» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 15), П.К. Эссен в своём ответе от 11 октября 1827 г. успешность этого опыта никак не прокомментировал. Зато он совершенно недвусмысленно предписывал: «Что касается до употребления денег на выкуп пленников, то в оном имеет Комиссия руководствоваться существующими узаконениями» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 250б.–26). Судя по контексту, это означало фактический отказ от персонального выкупа из Бухары тех рабов, о которых упоминала в своём представлении Оренбургская пограничная комиссия: П.К. Эссен в своём ответе комиссии даже не упомянул этих рабов и их будущую судьбу, таким образом, формально не запрещая их выкупа, но и не давая разрешения сопровождать этот выкуп какими-либо особыми мерами, вроде повышения цены за них со 150 руб. до рыночной. Компенсировать А. Абзямилову понесённые им лично затраты на выкуп Т. Шабанова и выдать ему аттестат П.К. Эссен разрешил, но и только (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 250б.–26). В помете на представлении Оренбургской пограничной комиссии ещё недвусмысленнее было указано, что выдачу А. Абзямилову дополнительной награды в виде золотого перстня губернатор счёл излишней (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 210б.). Не устроило П.К. Эссена и взятие части выкупа с отца раба – все 40 заплаченных им рублей, включая сбор за перевоз червонцев на выкуп сына через границу, П.К. Эссен приказывал вернуть Л. Шабанову «по уважению бедного его состояния» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 250б.–26). Безусловно, он соглашался только с тем, что от султана Дж. Худаймендиева нужно требовать найти виновных в похищении Т. Шабанова, привлечь их к суду и заставить компенсировать сумму, затраченную российскими властями на выкуп раба – хотя и распоряжался выделить на это чуть больше времени, до 1 марта 1828 г. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 250б.).

Только через 2 года следующий оренбургский губернатор, П.П. Сухтелен, обратился к Оренбургской пограничной комиссии с новым запросом по этому делу. 26 июля 1830 г. он попросил комиссию сообщить ему, удалось ли султану Дж. Худаймендиеву добиться компенсации от кочевников, похитивших Т. Шабанова, и получилось ли выручить захваченных вместе с последним в рабство людей (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 250б.). Из ответа Оренбургской пограничной комиссии следовало, что установить непосредственных виновников похищения так и не удалось, но это не помешало компенсировать расходы казны на выкуп Т. Шабанова из сумм за «продажу скота, который был захвачен от воровских аулов» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 31–310б.). А вот двух похищенных с Т. Шабановым людей комиссия даже не надеялась спасти: один из них, «Козак Малков», был в Хиве, в которой «продавать пленников для возвращения в Россию строго запрещено», а следы второго, «Башкирца Абдрахимова», затерялись (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 31–32).

4.5. Попытки освобождения рабов из Хивы (1826–1827 гг.)

Одновременно с освобождением Т. Шабанова из Бухары предпринимались меры и по спасению российских подданных из Хивы. Однако в этом случае речь шла не о выкупе конкретных людей, а об обсуждении с хивинскими властями самой возможности такого выкупа. В конце 1826 г. (более точно установить дату из документа невозможно) лояльный Российской империи султан Чингали Урманов отправил к хивинскому хану Аллакули неких посланников с двумя просьбами: чтобы хан «дозволил выкупать Киргизам Российских пленников и вывозить сюда» и чтобы впредь хивинцами «Русские

пленники покупаемы не были» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 10–100б.). При этом со своей стороны Ч. Урманов никаких предпочтений за выполнение ханом своей просьбы не обещал.

На сей раз мы бы хотели обратить внимание не столько на риторику, сколько на самую логику действий российских властей. Выше мы видели, что на хивинских невольничьих рынках стоимость раба в 1820-е гг. составляла 840–980 руб. При этом оренбургский губернатор П.К. Эссен после удачного выкупа из Бухары раба примерно за 750 руб. не разрешил продолжать подобные выкупы, ссылаясь на давно не отвечавшее реалиям Центральной Азии российское законодательство, в рамках которого базовый выкуп за одного раба принимался равным 150 руб. Соответственно, едва ли приходится сомневаться в том, что, даже если бы хан Аллакули разрешил свободно выкупать российских пленников из Хивы по рыночным ценам, это предложение едва ли заинтересовало бы оренбургские власти. В этом контексте, кстати, показательно, что в 1830-е гг. российские эмиссары уже и в Бухаре на переговорах с местными чиновниками поднимали вопрос о том, чтобы рабов из Российской империи отпустили централизованно и бесплатно (Записки..., 1983: 25, 107).

Поэтому, как нам представляется, логично, что запрос хивинскому хану на разрешение выкупать из его владений русских рабов в 1826 г. был сделан так, что шансов на принятие этого запроса фактически не было. Он исходил не от оренбургского губернатора, и даже не от Оренбургской пограничной комиссии, но от одного из лояльных России кочевых султанов; этот султан ничего не обещал хану Аллакули в случае согласия, зато предлагал ему не только разрешить выкупать уже имеющихся в Хиве русских рабов, но и воспретить своим подданным впредь покупать рабов, захваченных из Российской империи. Нетрудно понять, что у хивинского хана не было никаких оснований даже просто ответить на этот запрос. И действительно, в соответствующем архивном деле нет никакой информации о последовавшей реакции хивинских властей.

В то же время Ч. Урманов привлёк к своей инициативе большое внимание, обратившись 12 декабря 1826 г. в Оренбургскую пограничную комиссию с просьбой написать хану Аллакули отношение «о воспреещении отправляемых со здешней стороны злодеями людей покупать Хивинцам» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 10–100б.). 8 января 1827 г. комиссия обратилась к П.К. Эссену, фактически переадресовывая ему вопрос о том, следует ли ей как-то присоединиться к обращению Ч. Урманова к хивинскому хану (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 10–100б.). 26 января 1827 г. П.К. Эссен ответил комиссии, что уже сделал «требование к Хивинскому Хану Аллакулу чрез посланника его Веис-Нияза о непрременном запрещении Хивинцам покупать Русских пленников» (то есть из этого ответа следовало, что никакой дополнительной поддержки обращения Ч. Урманова к хивинцам со стороны российских властей не будет, поскольку они уже обращались к хивинским властям с аналогичными требованиями) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 12). Того же числа оренбургский губернатор написал письмо министру иностранных дел Российской империи К.В. Нессельроде, в котором с полным одобрением описывал инициативу Ч. Урманова (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 11–110б.). При этом он дословно сообщал о захваченных кочевниками подданных Российской империи следующее: «Их в Орде нет, а проданы в Хиву, откуда не позволяется тамошним Правительством выкупать их» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 11). Это было очевидной ложью: даже в том же деле, что и письмо П.К. Эссена К.В. Нессельроде, содержатся документы о выкупе у кочевников двух русских рабов (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3343. Л. 27–270б.). Как мы видели выше, российские пленники были и в Бухаре, правительство которой не запрещало их продажи для возврата в Россию. И для нас важно, что П.К. Эссен не сообщил К.В. Нессельроде об инициативе Оренбургской пограничной комиссии, связанной с выкупом Т. Шабанова, инициативе, которая показала, что возможен выкуп рабов из Бухары при увеличении расходов на это, – зато счёл нужным сообщить о заведомо провальной попытке Ч. Урманова убедить хивинские власти разрешить выкуп российских рабов.

И это приводит нас к весьма любопытному выводу. Для оренбургских чиновников оказывалось крайне выгодно акцентировать внимание на ситуации, сложившейся с русскими рабами в Хивинском ханстве, поскольку в нём действительно существовали почти непреодолимые объективные препятствия спасению этих рабов. Соответственно, сравнительная малоэффективность системы выкупа российских подданных из рабства в Центральной Азии казалась в подобном контексте вызванной не какими-либо ошибками чиновников, а реальной ситуацией, сложившейся в регионе. Ситуация же в Бухарском эмирате оказывалась гораздо менее удобной для оренбургских чиновников именно потому, что спасение рабов оттуда как минимум до 1820-х гг. не было проблемным, если эти рабы выкупались по рыночным ценам. Но внимание к этому факту показало бы, что существующая система выкупа русских пленников в оренбургском приграничье давно устарела, для этого выкупа следует выделять куда более значительные суммы, и фактически в выкупе обычных казаков, крестьян или мещан за большие деньги оренбургские власти просто не заинтересованы.

5. Заключение

Настало время кратко резюмировать установленные нами факты:

1) В начале XIX в. система выкупа российских подданных из рабства в оренбургском приграничье основывалась на давно не соответствующем местным реалиям законодательстве (на указе Сената от 25 октября 1777 г.). Главной проблемой было то, что это законодательство фиксировало сумму в

150 руб. в качестве базовой для выкупа пленника, и, судя по контексту, Оренбургская пограничная комиссия избегала без разрешения вышестоящих властей выкупать рабов за принципиально более крупные суммы. Между тем реальная рыночная стоимость рабов была в несколько раз больше: для 1820-х гг. порядка 560 руб. в кочевых аулах и 840–980 руб. на хивинских невольничьих рынках. Сумма же в 150 руб. примерно соответствовала стоимости куртки и шаровар из хорошего сукна или парадного офицерского кивера. В результате суммы, выделяемые ежегодно Оренбургской пограничной комиссии на выкуп пленников, оказывались не востребованными, и к 1826 г. у комиссии хранились остатки этих сумм, соответствующие финансированию более чем за 5 лет (21 289 руб. 83,25 коп., при том, что на выкуп рабов выделялось 4 тыс. руб. в год).

2) В результате 6 октября 1826 г. Оренбургской пограничной комиссией был предложен план реформы системы выкупа российских подданных из Центральной Азии. Предполагалось принципиально повысить суммы поощрений за спасение русских пленников: компенсировать человеку, доставившему пленника, все затраты на его выкуп и перевозку, а также выплачивать 200 руб. награды (300 руб., если он спас конкретного человека по запросу оренбургских властей). Новая базовая сумма на выкуп одного пленника должна была быть зафиксирована на уровне 1 тыс. руб., и, если спасший русского раба человек в общей сложности рассчитывал на выплату, не превышающую эту сумму, она должна была выдаваться ему без всяких проверок и запросов вышестоящему начальству. В то же время выкуп мусульман за государственный счёт должен был быть полностью запрещён. Кроме того, средства на выкуп пленников предполагалось активно собирать с их родственников и с родственников кочевников, захвативших их в плен (последнее в реалиях оренбургского пограничья фактически означало – с кочевников, которые показались пограничным властям имеющими хоть какое-то отношение к реальным преступникам).

3) Вышестоящие власти (начальник штаба Отдельного оренбургского корпуса Г.П. Веселитский), однако, не поддерживали предлагаемую реформу, ссылаясь исключительно на то, что при введении новой суммы выкупа у Оренбургской пограничной комиссии хватит средств на спасение только 21 человека. Г.П. Веселитский предлагал вместо этого убеждать потенциальных спасителей русских рабов освобождать последних «из усердия на пользу общую», а не из «корыстолюбия, противного человеколюбию». Интересно, что ещё в 1799 г. астраханский губернатор И.С. Захаров оказался не готов выплачивать крупные суммы за выреченных из Хивы невольников, также апеллируя к тому, что спасшие их мусульмане сделали это из корыстолюбия и требуют слишком много денег. Таким образом, мы имеем дело не с единичным случаем, и выкупать рабов из Центральной Азии за крупные суммы российские власти в первой половине XIX в. отказывались неоднократно.

4) Тем не менее, в том же октябре 1826 г. Оренбургской пограничной комиссии удалось получить разрешение от Г.П. Веселитского на выкуп из Бухары казака Т. Шабанова по цене, предложенной его хозяином. Однако Г.П. Веселитский чётко указывал – данный выкуп может быть осуществлён исключительно в качестве «опыта», и разрешение на него следует рассматривать как разовое, данное только ради эксперимента. Эксперимент закончился успехом: летом 1827 г. Т. Шабанов вернулся в Россию, а его выкуп обошёлся в 745 руб. 25 коп. После этого Оренбургская пограничная комиссия запросила разрешение на выкуп тем же способом других русских пленников, находящихся в Бухаре, однако оренбургский губернатор П.К. Эссен однозначно запретил это, требуя от комиссии действовать в соответствии с законодательством (то есть указом Сената от 25 октября 1777 г.).

5) Одновременно с выкупом Т. Шабанова из Бухары, в конце 1826 г., лояльный Российской империи кочевой султан Ч. Урманов обратился к хивинскому хану Аллакули, прося разрешить выкуп русских рабов из Хивы. Однако сама логика этого обращения была весьма своеобразной: оно было сделано не от оренбургских властей, а от кочевого правителя, и в нём содержалось также требование запретить использовать русских рабов в Хиве. Хан Аллакули предсказуемо не ответил на это обращение. Зато П.К. Эссен сообщил о нем министру иностранных дел Российской империи К.В. Нессельроде, утверждая также, будто бы русские рабы в Центральной Азии сосредоточены исключительно в Хиве, откуда выкупать их нельзя из-за позиции хивинского правительства. Напротив, об удачном выкупе Т. Шабанова он вышестоящим властям не сообщал.

6) И таким образом, как минимум в 1820-е гг. оренбургские власти не были заинтересованы в повышении эффективности системы выкупа российских невольников из Центральной Азии, если это повышение требовало существенного увеличения затрат. Между тем, по крайней мере, из Бухары в 1820-е гг. можно было выкупить ряд подданных Российской империи, что предлагала сделать и Оренбургская пограничная комиссия, – но П.К. Эссена категорически не устроило то, что их пришлось бы выкупать по рыночным ценам.

Литература

Гинзбург, 2004 – Гинзбург К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю / Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история. М., 2004. С. 287-320.

Записки..., 1983 – Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П.И. Демезона и И.В. Виткевича). М., 1983. 149 с.

- [Иванин, 1874](#) – *Иванин М.И.* Описание Зимнего похода в Хиву в 1839–1840 году. СПб., 1874. 268 с.
- [Кочнев, 2017](#) – *Кочнев А.В.* Российские подданные в Хивинском плену в конце XVIII – начале XIX в.: пути решения проблемы и последствия // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 423. С. 100–104.
- [Ле Руа Ладюри, 2001](#) – *Ле Руа Ладюри Э.* Монтайю, окситанская деревня (1294–1324). Екатеринбург, 2001. 541 с.
- [ОГАОО](#) – Объединённый государственный архив Оренбургской области.
- [Попов, 1907](#) – *Попов А.* Рукописи Г.Ф. Генса // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Вып. 19. Оренбург, 1907. С. 168–182.
- [Почекаев, 2017](#) – *Почекаев Р.Ю.* Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. М., 2017. 384 с.
- [Созина, 2016](#) – *Созина Е.К.* Дискурс «степных пленников» в русской литературе XIX века // *Уральский исторический вестник*. 2016. № 1 (50). С. 6–15.
- [Cherkasov, 2020](#) – *Cherkasov A.A.* The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection) // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 57–1. Is. 3–1 (Special issue). Pp. 1415–2266.
- [Ermachkov, 2021](#) – *Ermachkov I.A.* Russian Official Correspondence on the Return of Russian Prisoners from the Khiva Khanate in 1839 // *Slavery: Theory and Practice*. 2021. 6(1). Pp. 26–34.
- [Ermachkov et al., 2021a](#) – *Ermachkov I.A., Baibarin A.A., Mineeva E.K., Balanyuk L.L.* To the Issue of the Cost of Slaves on the Territory of the Khiva Khanate (the first half of the XIX century) // *Bylye Gody*. 2021. 16(4). Pp. 1779–1788.
- [Ermachkov et al., 2021b](#) – *Ermachkov I.A., Vidishcheva E.V., Mineeva E.K., Balanyuk L.L.* The Features of the Capture of Russian People by Asian Nomadic Tribes (the first half of the XIX century) // *Bylye Gody*. 2021. 16(3). Pp. 1171–1180.
- [Morrison, 2021](#) – *Morrison A.* The Russian Conquest Of Central Asia: A Study In Imperial Expansion, 1814–1914. Cambridge, 2021. 641 p.
- [Peretyatko, 2023](#) – *Peretyatko A. Yu.* The Arrest of Khivan Subjects in the Russian Empire in 1836 and Russian Struggle Against Slave Trade in Middle Asia. Part I // *Bylye Gody*. 2023. 18(4). Pp. 1766–1779.
- [Peretyatko, 2024](#) – *Peretyatko A. Yu.* Foreign Fugitive Slaves from Central Asia Who Were Coming into the Borders of the Russian Empire in the first half of the 19th century: to the Statement of the Problem // *Bylye Gody*. 2024. 19(4). Pp. 1586–1597.
- [Zhetpisbay et al., 2020](#) – *Zhetpisbay N.Y., Ksenzhik G.N., Ismurzin Z.A., Dyussengaliyeva M.G.* Protest Actions of Zholaman Tlenshiyev and the Formation of the North-Western Borders of Kazakhstan in the 20–40 years of the XIX century // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 55. Is. 1. Pp. 105–114.

References

- [Cherkasov, 2020](#) – *Cherkasov, A.A.* (2020). The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody*. 57–1. 3–1 (Special issue): 1415–2266.
- [Ermachkov et al., 2021](#) – *Ermachkov, I.A., Baibarin, A.A., Mineeva, E.K., Balanyuk, L.L.* (2021). To the Issue of the Cost of Slaves on the Territory of the Khiva Khanate (the first half of the XIX century). *Bylye Gody*. 16(4): 1779–1788.
- [Ermachkov et al., 2021](#) – *Ermachkov, I.A., Vidishcheva, E.V., Mineeva, E.K., Balanyuk, L.L.* (2021). The Features of the Capture of Russian People by Asian Nomadic Tribes (the first half of the XIX century). *Bylye Gody*. 16(3): 1171–1180.
- [Ermachkov, 2021](#) – *Ermachkov, I.A.* (2021). Russian Official Correspondence on the Return of Russian Prisoners from the Khiva Khanate in 1839. *Slavery: Theory and Practice*. 6(1): 26–34.
- [Ginzburg, 2004](#) – *Ginzburg, K.* (2004). Mikroistoriya: dve-tri veshchi, kotorye ya o nei znayu [Microhistory: two or three things that I know about it]. Ginzburg K. Mify-emblemy-primety: Morfologiya i istoriya, M. Pp. 287–320. [in Russian]
- [Ivanin, 1874](#) – *Ivanin, M.I.* (1874). Opisanie Zimnego pokhoda v Khivu v 1839–1840 godu [Description of the Winter Campaign to Khiva in 1839–1840]. SPb., 268 p. [in Russian]
- [Kochnev, 2017](#) – *Kochnev, A.V.* (2017). Rossiiskie poddannye v Khivinskom plenu v kontse XVIII – nachale XIX v.: puti resheniya problemy i posledstviya [Russian subjects captured in Khiva at the end of the 18th – beginning of the 19th centuries: ways of problem solving and consequences]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 423: 100–104. [in Russian]
- [Le Roy Ladurie, 2001](#) – *Le Roy Ladurie, E.* (2001). Montaiyu, oksitanskaya derevnya (1294–1324) [Montaillou, Occitan village (1294–1324)]. Ekaterinburg. P. 541. [in Russian]
- [Morrison, 2021](#) – *Morrison, A.* (2021). The Russian Conquest Of Central Asia: A Study In Imperial Expansion, 1814–1914. Cambridge, 641 p.
- [ОГАОО](#) – Об"единенный gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [Joint State Archive of Orenburg Region].
- [Peretyatko, 2023](#) – *Peretyatko, A.Yu.* (2023). The Arrest of Khivan Subjects in the Russian Empire in 1836 and Russian Struggle Against Slave Trade in Middle Asia. Part I. *Bylye Gody*. 18(4): 1766–1779.

Peretyatko, 2024 – *Peretyatko, A. Yu.* (2024). Foreign Fugitive Slaves from Central Asia Who Were Coming into the Borders of the Russian Empire in the first half of the 19th century: to the Statement of the Problem. *Bylye Gody*. 19(4): 1586-1597.

Pochekaev, 2017 – *Pochekaev, R. Yu.* (2017). Gubernatory i khany. Lichnostnyi faktor pravovoi politiki Rossiiskoi imperii v Tsentral'noi Azii: XVIII – nachalo XX v. [Governors and Khans. Personal Factors in Russian Law-Making in Central Asia: 18th to Early 20th Century]. M., 384 p. [in Russian]

Popov, 1907 – *Popov, A.* (1907). Rukopisi G.F. Gensa [Manuscripts of G.F. Gens]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. 19, Orenburg. Pp. 174-175. [in Russian]

Sozina, 2016 – *Sozina, E.K.* (2016). Diskurs «stepnykh plennikov» v russkoi literature XIX veka [“Steppe prisoners” discourse in the Russian literature of the 19th century]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*. 1(50): 6-15. [in Russian]

Zapiski..., 1983 – *Zapiski o Bukharskom khanstve* (Otchety P.I. Demezona i I.V. Vitkevicha) [Notes about the Khanate of Bukhara (The reports of P.I. Demezons and I.V. Vitkevich)]. M., 1983. 149 p. [in Russian]

Zhetpisbay et al., 2020 – *Zhetpisbay, N.Y., Ksenzshik, G.N., Ismurzin, Z.A., Dyussengaliyeva, M.G.* (2020). Protest Actions of Zholaman Tlenshiyev and the Formation of the North-Western Borders of Kazakhstan in the 20–40 years of the XIX century. *Bylye Gody*. 55(1): 105-114.

Система выкупа российских подданных из Центральной Азии в 1820-е гг. и её критика Оренбургской пограничной комиссией

Артем Юрьевич Перетятко ^{a, b, *}

^a Черкас глобальный университет, Хьюстон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена критике системы выкупа российских пленников из Центральной Азии Оренбургской пограничной комиссией в 1826 г. и последовавшим за этим событиям. Она основана на неопубликованных документах Объединённого государственного архива Оренбургской области (ОГАОО). Показано, что к 1826 г. выкуп российских подданных («пленников» в терминологии эпохи) из Центральной Азии регулировался давно не соответствующим местным реалиям указом Сената от 25 октября 1777 г. Оренбургская пограничная комиссия получала в год 4 тыс. руб. на выкуп пленников, а за одного могла платить 150 руб. или более (но существенно большие суммы могла выделять только с разрешения вышестоящего начальства). Комиссия предлагала повысить «нормальную» сумму выкупа до 1 тыс. руб., что больше соответствовало реальным рыночным ценам на рабов (составлявшим примерно 500–1 тыс. руб.). Однако начальник штаба Отдельного оренбургского корпуса, в принципе признав правильность рассуждений комиссии, не разрешил пойти на подобные изменения, ссылаясь на то, что у комиссии нет денег, чтобы массово выкупать рабов по новой цене. Тем не менее, он разрешил выкупить одного раба из Бухары за более чем 500 руб. Когда этот выкуп увенчался успехом, Пограничная комиссия предложила аналогичным образом выкупить из Бухары всех известных русских рабов (денег на это было достаточно), однако П.К. Эссен запретил это, требуя следовать закону. Таким образом, в 1820-е гг. оренбургские власти не были готовы выкупать рабов из Центральной Азии по рыночным ценам.

Ключевые слова: рабовладение, Центральная Азия, Оренбургская пограничная комиссия, выкуп рабов, история повседневности, П.К. Эссен.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетятко)